

0 73

P28022

КАТЕРИНА

*Поэма
Дмитрия Осина*

ГА
РОСТЯ

7к

ДМИТРИЙ ОСИН

КАТЕРИНА

ПОЭМА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Москва 1941

Художник А. Морозов-Лас

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

За рекой, на выселках рыбацких,
Непоседа-девочка росла,
Зоревала в поле по-чумацки,
В лес ходила, птицу стерегла.
Смелый нрав, косых бровей порханье,
Красота и строгость с каждым днем
По торговым селам на Орлани
Катерину славили кругом.

И не раз, подвыпившие малость,
Старики видали в лозняке,

Как она купалась, как плескалась,
Как русалкой пела на реке.
Ус кусал Прокудин:
— Правду бают, —
Ишь ты, краля. Сашке б моему...
И вода катилась голубая
С мокрых весел на руки ему.
— Хороша, ей-ей, —
И было жалко
Самому, что скоро — пятьдесят,
Тропкой к дому он спешил вразвалку
И молчком поглядывал назад.

Возле церкви, под железной крышей,
Городской, в два ската на углах
Дом его стоял, — и были выше
Лишь одни кресты на куполах.
Зноен полдень, лето на исходе,
На крыльцо взошел старик, сычом
Поглядел на площадь, от оброти
Поводок нашел и молча — в дом.
Воротясь с гулянки, под навесом
Сашка спал и чуть свистал во сне.
Жгут скрутил старик:
— Пришел? —
И бесом
Вдруг пошел на сына в тишине:
— Я тебя...
Но воли, как бывало,
Дать рукам не смог и, плюнув зло
На гармонь, что под ноги попала,
Повернул к амбарам тяжело.

Но в обед сошлись.
— Женился б, что ли, —
Снова к сыну двинулся отец.
Сашка встал:
— Женильба — в вашей воле,
Хоть сейчас согласен под венец.
Где невеста?
— Где? Спроси у чорта!
Сел, смолчав, осилил Сашка смех
И в глаза отцовы глянул твердо:
— Нет — и ладно, батя. Мне — не спех.
Подобрил, притих старик:
— Боброву
Будем сватать Катьку, если хошь?
А не любя — сам ищи, —
И снова
На него надвинулся, как еж.
— Фью! —
Присвистнул Сашка:
— Что вы, право?
Пустодомка...
— Не твоя беда.
— Мне богатство дайте, а забаву
Я и сам сыщу себе всегда, —
Поднялся и вышел, брякнув дверью,
Голуби метнулись под окном:
И плывут корабликами перья
По двору в безветрии дневном.
Стих Прокудин, не поладив с сыном;
Лес — не свезен, в доме — тарарам.
Пал сентябрь, и в гости к осенинам
Заспешило солнце по утрам.

Осенины,
 Весел день престольный,
 Пьет Орлань, бахвалится, как встарь,
 Одурев, с кирпичной колокольни
 Третий час трезвонит понамарь.
 Даже поп и тот ведет неровно:
 — По ве-елицей милости твоей.
 Нищие на паперти церковной
 За полы хватают богачей.

А кругом на площади — веселье,
 Праздничный, хмельной толпится люд,
 Стражники куражатся с похмелья,
 И слепцы бывальщину поют.
 Ветерок летит, хмелен и душен,
 Пыль плывет, как облако, вокруг,
 Пьян цыган с утра, и непослушен
 Рвет медведь ученый цепь из рук.
 В хрусталях, в подвесках, расписная
 Карусель, бренча, идет волчком,
 Мчатся, скачут кони, не касаясь
 Ни земли, ни неба:
 — Рубль ребром!

А на рюмах, где валили в воду
 Потемневший лес плотовщнки,
 И в престольный день полно народу,
 Все — кому и праздник не с руки.
 Студена вода, озябнув, пляшут
 Мужики, и ходит водостав,

На волне дубняк столетний вяжут
И по стрежню вниз пускают вплавь.
И плоты плывут — за лебединый
Опустелый остров заливной,
Вот и поровнялись с Катериной
И уходят дальше в путь речной,
Вот и пропадают, реки в реки
Их несут на быстрой на волне.
А она стоит на лесосеке
И тоскует молча в тишине.
Ей бы тоже плыть от плёса к плёсу,
Лебединкой в небе пропадать,
Чуют ветер, пить степные росы
И ни слез, ни горюшка не зная.

Но темна судьба ее, как ночка
Без луны, без звезд в лесу глухом.
Мать горюет:
— Шла бы замуж, дочка.
И пошла б, — да нету женихов.
Что за нею? Кофта-раздуванка.
Красота? С лица — не воду пить.
Знать, одна дорога — на делянку,
Мыть белье да щи в котлах варить.
Есть один, да что ему, Мартыну,
До нее, до девичьей тоски?
И стоит она, кляня судьбину,
А виры речные глубоки.
Тишина ложится за рекою,
Первых дней осенних тишина,
И от этой ласки и покоя
Только сердце стонет, как струна.

Оглянулась девка:

Пьян и весел,

Ей навстречу Сашка, — как в огне,

Вороной кудерь над глазом свесил,

И гармонь-самарка на ремне.

Подошел шатаясь, брови сдвинул:

— Подожди, невеста. Дай взгляну...

Позади Мартын, да что Мартыну —

Клином свет, знавал он не одну.

Разгорелся Сашка:

— Эх ты, любя,

Мы с тобой, дай время... как в раю. —

Уронил гармонь и вытер губы:

— Батя, чорт. Ты душу мне мою...

Отошла, зарделась Катя, строго

На Мартына глянула опять:

— Дураков у вас в Орлани много,

Дряни вдосталь, умных не видать.

Дрогнул Сашка, сердце переселя:

— Не ломайся! Будешь жить в чести, —

И схватил, как птицу за подкрылья,

Девку в руки:

— Любушка...

— Пусти!

А Мартын шагнул и улыбнулся:

— Погоди, не тронь ее, —

И сам

Загляделся вдруг, и отвернулся —

Словно солнце било по глазам.

Был он тих и ласков, бровью чёрен,
Умолкал при встречах — как назло,
И видать, попался ей на горе:
Глянул раз — и девку повело.
Одного его она искала,
Коротала ночи, не спала,
Для него цвела и красовалась,
Песни пела, сердце берегла.
И ему — краса ее и сила,
Розаны на щеках, маков цвет.
Шла она и все шептала:
— Милый, —
И глядела:
— Смотрит ли вослед?

Глава вторая

4

Припадая к водам, за ярами
Далеко, в осенний синь-простор,
Глух и дик, студеными утрами
По буграм речным катился бор.
Было вольно зверю в нем и птице
За добычей рыскать, травы мять,
Матереть в чашобе и плодиться
И с последним криком погибать.
Сколько лет синел он, не старея,
Зори пил вечернею порой
И в дыму, на солнце золотея,
На колени падал под пилой.

А с бугров потопом шла лесная
На речные плёсы глухомань,
Кроя воды, строжни забивая,
И, крутясь от ярости, слепая,
Вся в завалах — пенилась Орлань.

И туманным утром, за неделю
До разгульных свадеб Покрова,
Девки в бор собрались на веселье
И пошли гурьбой за острова.
Дятел на суку долбил уныло,
Пробегала белка по сосне,
Под горой, у Чортова бучила,
Кто-то выл и ухал в тишине.

В мох зашли, на пары поразбились,
Стали клюкву брать и песни петь,
Вдруг как рывкнул зверь, и подломились
Вниз кусты:

— Ой, девоньки... медведь!

Краснобурый, с мелколесьем вровень,
Встал он вдруг над мохом и попер.
Говорят, что раз отведав крови —
Зверь за ней охотится с тех пор.

— Ой, заест!

— Бегите...

Врассыпную

По набрякшим кочкам босиком
Кинулись они напропалую,
Через мох и чашу прямиком.

А одна — смешливица, меньшутка —
За кошелкой сунулась своей,

Повалилась и завывала жутко,
И медведь насел на плечи ей.
И пока бежали — слышно было,
Как она отбиться не могла,
Как звала на помощь, как вопила
И предсмертным криком изошла.

День спустя нашли в болоте девку,
В мох ничком уткнулась, не жива,
Ягоды ли, кровь кругом в рассевку,
И в подтеках черных — голова.
А потом еще два дня и ночи
Остальных искали,
И Мартын,
Захватив ружьишко, все урочья,
Тайники медвежьи и сорочьи
Все лазы повышарил один.

Бор молчал вокруг, не выдавая
Ни следа, ни голоса ему,
Только глушь синела, зазывая
В зверобой лесной и полутьму.
И за двадцать верст, в Ежовом лого,
Где в столетних соснах дремлет тень
На крутом обрыве у берлоги
Он нашел их всех на третий день.

Обступили девки: та — смеется,
Та — в слезах, теснятся, тормошат,
И Мартын от них не отобьется:
— Испугались?.. Ну, пошли назад.
А Катюша дрогнула, зарделась:

— Ты один пришел, Мартын?

— Один.

— Да?

И смолкла, — будто расхотелось
Девке знать, что скажет ей Мартын.

Без дорог, по тропам по звериным

Целый день брели они назад,

И смеялись девки над Мартыном:

— Зверь не съел, а комары — съедят!

— Выводи скорее... отощали.

— Пропадем, подружки, не дойдем!

У реки облаву повстречали

И без сил ввалились на паром.

Темень шла над сонною рекою,

Пахла прелью, смолкою сырца

И рыбацкой долгою тоскою,

Как всегда, плескала на сердца.

И когда прощались, у причала

Оступилась Катя невзначай,

Губы в губы:

— Ой, Мартын, —

Припала:

— Это я... за всех тебя, прощай, —

И на берег.

— Катя!

Как в тумане —

Он глядел вослед ей, сам не свой.

Огонек трещал, и по Орлани

Дым-дымок тянулся над водой.

Студены зимой, багровы зори,
 Голубеет на Орлани лед,
 Русачок стрельнет на косогоре
 И в поземке снежной пропадет.
 Не прыдется девке, не сидится,
 Дремлет мать, светец потух давно,
 И, крутясь, из рук ее валится
 Спутанным волчком веретено.
 — Будто — снег скрипит?
 Подходят — будто?
 На стекле глазок продула и
 В темь глядит, глядит:
 А в поле — смута,
 Еле светят звездные рои.

Снег и ветер,
 И во мгле мятельной
 Вдруг возник и из конца в конец,
 Нарастая с силой беспредельной,
 Ночь будя, забился бубенец.
 Под горой затих, и в снежной пене
 Вымахнули кони на ветру.
 — Мимо? мимо... нет!
 И чуть не в сени —
 Вся упряжка смаху:
 — Черти, тпру!
 Двери настезь: и сорока-сваха
 На порог взлетела, образа
 В полутьме нашла, крестясь сразмаху,
 И запела, вытерев глаза:

— Гости в дом — удача в дом. Ну, здрас-сте.
Встала мать, лучину разожгла;
Шубы сняли гости:
— Божьи страсти!
— Лют мороз...
И сваха повела.
У нее язык привешен длинный,
По заказу — норов, нюх не мал.
Сватает Прокудин Катерину:
— Мы давно... решайте, —
Но не сыну, а себе ее облюбавал.
— Будет жить в чести, в достатке будет, —
Мелет сваха.
— На себя беру
Все расходы...
А уж люди, люди
Изойдут от зависти, — не вру!
— По рукам?
— Срядились!
Зарыдала
Катя вдруг:
— Не надо отдавать, —
От окна метнулась и упала
Вся в слезах за полог, на кровать.

6

Той зимой с татарских понизовий,
В смертные гудя колокола,
Из конца в конец, опившись крови,
По орланским селам гостья шла.
И видали бабы у колодца:

Гостья та идет — черна лицом,
Где каликой нищей обернется,
Где — портным хожалым, где — купцом.
Крестный ход собрали на Орлани
И пошли с молитвой снег толочь.
А под вечер с матерью из бани
Воротилась Катя, как в тумане,
И слегла в ознобе в ту же ночь.

Ой, не спится девке, не ложится,
Жар долит, не тронута питье,
Разметалась вся, и огневица
Помутила глазыньки ее.
И подружки спят, не расплетают
Косу девке, не ведут к венцу.
Темь кругом, и мать в слезах рыдает,
Ночь-шатунья близится к концу.
Бубенцы не бьют, не едут гости
Ходит вьюга в пенном серебре,
И медвежьи бабка варит кости
У невесты бедной на дворе.

— Ой, ночь, ты ночка, ноченька,
Вставай скорее, доченька,
С перины аржаной,
С подушки травяной.
Мороз в твоей постелюшке
Надуло снегу в щелюшки,
Худа у нас изба,
Дымит, коптит труба.
Хлеба у нас не печены,
Дровишки не насечены,

Не ношена вода, —
Ой, бедушка-беда!
Пойду, дорожку вытопчу,
Пойду к Матвею Титычу,
Скажу: «Хоть режь в свой час,
А выручи сейчас!»
Полы слезами вымою:
«Ссуди — под рожь озимую,
Под лен ли, под овсы, —
Но выручи! спаси!»
Домой вернусь, не вытаю,
Что сукою прибитою
Пришла я от него,
Что не дал ничего.
Сниму суму голодную,
Всползу на печь холодную,
Лучинку потушу,
Ни слова не скажу.
Дерюжкой накроюся,
Вполголоса развоюся,
Обидно: мочи нет,
Погинь ты, белый свет!

Поскушнел Прокудин, на усадьбе
Сиднем сел, не ездит никуда,
Все дела забросил и о свадьбе
Позабыл как будто навсегда.
А Мартын в бору тоскливо рыщет,
Сети ставит, лис в яругах бьет;
Глухари зимуют, хвоя свищет,
Стукнул парню двадцать первый год.
Сам с собой давно уж он в разладе:

Приглянулась девка невзначай,
Да в солдаты — скоро:
— Эх ты, Катя!
Значит, Катя:
«Здравствуй и прощай»?

Глава третья

7

За шесток хватаючись, спросонок
Выбиралась Катя из угла
И неверным шагом, как ребенок,
Вновь ходить училась, — мать звала.
На пригреве, силы набирая,
Где-нибудь садилась в тишь и зной,
Будто с громом туча градовая
Пронеслась у ней над головой
И ушла, дымясь, в речные пади,
За лесное синее кольцо.
Пронеслась, и горсть некрупных градин
Уронила девке на лицо.
Загрустила Катя, не выходит
На орланский берег ввечеру,
Поскучнели игры в хороводе,
Без нее горят костры в бору:
— Не нужна я. Черная, рябая...
Лучше б мне с постели не вставать.
И тайком следит за ней, вздыхая,
И кропит водой крещенской мать.

Всю весну Мартын с ружьем зорюет
На Орлани, все Катюшу ждет;
В луговине ястреб озорует,
Тополиный пух летит с высот.
И однажды, рано на рассвете,
Повстречались оба у хмелин,
Застеснялись, дрогнули, как дети:
— Здравствуй, Катя.
— Ой, —пусти, Мартын.
— Что ты, Катя?
— Горько мне. И... стыдно.
— Отчего?
— Не тронь меня.
— Да что?
— Не гляди.
— Да ничего ж не видно.
— Видно, милый, вся — как решето,
Черная, в рябинах вся...
— Катюша,
Я тебя и так....
— Пусти.
— Люблю.
И казалось, солнце пало в душу,
И сломило девку во хмелю.
— Скоро осень, Катя...
— Скоро, милый.
— Если жребий выйдет — подождешь?
— Буду ждать хоть век.
— Достанет силы?
— На сто лет достанет, до могилы!
— Как приду, — поженимся.
— Придешь?

И пошли, в глаза друг другу глядя,
Через поле рожью молодой.
— Будет, милый, — стыдно.
— Любишь, Катя?
И в бору пропали за грядой.
Хороши весной степные зори,
Даль светлее, небо голубей.
Старый дуб шумит на крутогоре
Посреди веселых сыновей.

8

Закружились, облетели рощи,
Рекруты ушли, и на бугре
Ивняки заречные полощет
Ветерок в морозном серебре.
Топчут снег солдаты, и не знает,
Что в доме хорошего, Мартын.
А в Орлани подати собирают,
Хлеб молотят, девки ждут новин.
И Прокудин Сашка открывает
У причала хлебный магазин.

Пал мороз на реки, скрылись птицы,
Мать примолкла, ходит — как гроза,
И все чаще Катя ей боится
Невпопад попасться на глаза.
А попутал бес:
— Ты что?
— Мама, ня,
Не серчай, прости, — я...
— Тяжела?

— Разве ж ты не видишь, —
И, рыданья
Не сдержав, метнулась из угла.
И, как в детстве, как порой бывалой,
Вся в слезах прильнула к ней, родной:
— Не гневись, маманя, —
И упала
Под ее тяжелою рукой.
— Не прощу! Да лучше б ты в хворобе...
Не прощу, и думать не моги!
— Мама...
— Вон!
И зарыдали обе,
Расставаясь:
— Чтоб твоей ноги!
Пошатнулась девка и, не глянув,
Прочь пошла, в неизвестные края:
— Где ж приют найду? Как жить я стану?
Горькая головонька моя!

9

На лесной делянке, за Орланью,
Варит стряпка щи на всю артель.
Бор шумит, из печи жаром тянет,
В уголку стоит ее постель.
— Ни жена... ни девка ты, —
Ночами
Лесорубы спать ей не дают.
Пахнет мгла махоркою и щами,
За стеной мороз декабрьский лют.
— Брошу все... уйду, —

Тоскует Катя:

— Побреду куда глаза глядят.
Ночь, сверчки поют, и на полатах
Мужики, намаявшись, храпят.
Встала молча, шалькою по брови
Обвязалась накрепко она,
И в Орлань с повинною к свекрови
Темным лесом кинулась одна.

А в Орлани — святки.

Шумным кругом
Христославы ходят по селу.
Ночь, луна, и в поле по яругам
Вьюга водит снежную юлу.
У свекрови печь топилась, угли
На загнетку сыпались, как рой:
— Будто — дверь скрипит?
Не в сенцах стук ли?
Кто бы в гости эдакой порой?

Задохнулась Катя на пороге,
Повела глазами по избе:
— Будь, как мать, прими меня, —
И в ноги,
И припала вдруг:
— Прими к себе.
Подняла старуха, приласкала,
Расспросила девку обо всем
И сама всплакнула:
— Вас не мало,
Может, у него перебивало?
Эдак все придут:

«Примите в дом!»
Обомлев, метнулась Катя:
— Звери!
Я тебя считала... Никогда
Здесь теперь ноги моей... —
И в двери,
И с тех пор пропала без следа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава четвертая

10

Облака бегут, играют дети,
Голубеет над полями зной.
Велика земля! И нет на свете,
Нет на свете места ей одной.

Шла беглянка, шла, томясь от боли,
Ночь придет — пристанет где-нибудь,
Шла от вешки к вешке в дальнем поле
И слезой кропила трудный путь.
Попадались странники навстречу,
Под ружьем полки брели в поход:

— Далеко ли Питер-град?

— Да-а-лече!

Пошатнется Катя и пойдет,
И пойдет дремучими лесами,
Через степь казенным большаком,
С полотняной сумкой за плечами
И по брови крытая платком.

За Окою растворило хляби,
Вышли реки вон из берегов.
И пришла пора бездомной бабе —
Встретить муки, не дойдя в Белёв.
Закусила губы Катерина,
Отползла, томясь, с дороги в тень
И в кустах, таясь, родила сына
Душной ночью под Иванов день,
И забылась...

А поутру в поле
Жаворонки пели, и севцы,
Притомясь, заслушались на воле:
Будто за версту в степном раздолье
Свадебные били бубенцы.

Встала Катя, оглядела сына,
Улыбнулась, грудь ему дала:
— Сиротинка мой... а весь в Мартына, —
И налюбоваться не могла.

Поднялась, а рядом травы, травы,
Птицы свищут песенки свои,
И снуют встревоженной оравой
В медунице смятой муравьи.

И пошла, над ношею любимой
Наклонившись нежно, и глаза
Застилала долго ей, как дымом,
Первая счастливая слеза.

— Грозовые пали зори,
Невесел ты, край чужой.
Ой, горе мне сирой, горе,
Пой, жаворонок степной!

Тоска без конца, без края,
Как жить мне в миру одной?
Как век вековать, — не знаю?
Пой, жаворонок степной.

Иду я, бреду по свету
За долею горевой.
Нет доли, и счастья нету,
Пой, жаворонок степной.

Вставай, пробудись, родимый,
Над полем туман и зной,
Ненастье проходит мимо,
Пой, жаворонок степной.

Вырастешь ты, взовьешься,
Подымешься над землей,
И воли себе добьешься,
Мой жаворонок степной!

Под Москвой, на ярмарке осенней,
Привязался стражник к ней в селе,
А у ней — ни паспорта, ни денег,
Сын в руках да грязь на подоле.

— Вид¹ подай! Винись...
И по этапу,
Через три губернии, домой
Повели в Орлань горюху-бабу
По степной дороге столбовой.
Из тюрьмы в тюрьму бредут в оковах
Каторжане в заморозь и дождь,
От столба к столбу в гербах царевых:
Сколько их? Считай, и не сочтешь!
Мутен день осенний, пыль — трубою,
Кто-то сказку бает:
— И пропал,
И про-пал он в ковшике с водою,
И досель не сыщут, — мир не мал.
Путь далек, и в тележонке тряской
Катерина едет день за днем,
Сын растет, и над дорогой царской
Тянут гуси к югу за теплом.

11

Как слепая, ничего не видя,
Улицей в Орлань вошла она.
И шептались бабы:
— Ой, глядите...
— Катька-то — белее полотна.
На крыльцо взошла, шагнула в сени,
О порог урядник шпоры бьет,
И в снегу толпится у правленья
Хмурый и умолкнувший народ.

¹ Вид на жительство, паспорт.

За столом, бок о бок с старшиною,
Развалясь, сидит Прокудин сам:
— Что, — пришла, распуста?
Дым — волною,
Злые искры пляшут по глазам.
Старшина к ней:
— Где нашла грудного?
Признавайся.
— В поле под кустом, —
И глядит она на волостного,
На Прокуду — в шарфе расписном.
За рекою те же стынут зори,
В дверь колотит ветер низовой,
Ночь встречая, бор гудит, как море,
И косматой водит головой.

Не чадит светец, затихла зыбка,
Катерина спит, припав к скобам,
Спит она, и теплая улыбка,
Словно лучик, бродит по губам.
Хорошо, намаявшись, забыться,
Сыну песни петь, а стихнет он —
На точеный столбик привалиться,
И на миг — короткий сморит сон.
И глядишь, не в силах наглядеться,
Как плывет сквозь дым и синеву
Все, что ждет, о чем тоскует сердце,
В чем не признается наяву.
Волчи свадьбы в поле, на осинах
До зари мороз трещит один.
Спит над зыбкой в хате Катерина,
И во сне ей видится Мартын:

— Трудно ли тебе, Катюша?

— Трудно.

— Любишь ли?

— Люблю.

Очнулась:

— Ась?

Ночь кругом, зима. И беспробудно
Спит мальчишка, в зыбке завалась.

12

Сердце материнское не камень,
Но проситься Катя не пошла.
Вновь живет в артели с мужиками,
Как был — разута и гола.
Пять недель ждала ее старуха,
За божницей два держа письма,
А потом встряхнулась:
— Вот поруха, —
И мириться двинулась сама.
Не стуча, угрюмо влезла в сенцы,
Грузная, в тулупе — словно стог,
В темноте споткнулась на поленце
И перевалилась за порог:
— Вот погодка, не придумать хуже;
В гости, знать, всеедная¹ пошла, —
Расстегнулась, снеговая лужа
Под ноги ей на пол натекла:

¹ Все е д н а я — последняя скоромная неделя перед великим постом.

— Ну, здорово... девка.
— Здравствуй, мама.
— Собирайся-ка...
— Куда?
— Домой.
— Не пойду.
— Так лучше в омут прямо,
Чем в позоре эдак, боже мой, —
И завыла:
— Стыд-то где твой?
— Нету.
— Собирайся, хватит...
— Не неволь.
— Как собака, бродишь ты по свету,
Пожалела бы мальчонку, что ль.
— Ладно, будет, —
Откипели слезы,
И не плачет Катя, ночь кругом,
За оконцем вой разноголосый,
Вьюга в поле ходит ходуном.
Стихла мать, смирилася:
— Пеленок
Я тебе собрала... на пять лет.
— Погляди, — проснулся.
— У, волчонок.
Всем хорош, да жалко — батьки нет.
— Будет батька.
— Будет ли? Ну ладно,
А не будет — так и быть тому.
— Ой, куснул!
— А ты, чтоб не повадно —
По губам его, учи уму.

— Срок придет — научится.
— Сошлись мы,
А про дело и не вспомним тут.
У меня ж, Катюша, в сумке письма,
С Рождества, поди, лежат и ждут...
Обомлев, рванулась Катя с места:
— От него? Давай скорей!
— Да стой,
Стой ты, девка, — от него, известно,
Только ж мы неграмотны с тобой.
— Я сейчас, —
И скрылась за дверями,
Запахнув шубейку на бегу.

Бор шумит, и белыми роями
Гонит вьюга снег на берегу.

— Агу-гу, агу-шеньки, агу, —
Час поет, другой над люлькой бабка,
На морозе конь зазяб давно,
И стучит березовая лапка
Ей в заиндевшее окно,
Словно в избу просится:
— Пустите!
И ворчит старуха:
— Вот дела,
Одурела девка, — ну как в Питер
Сгоряча опять она пошла?

Глава пятая

13

День и ночь пылает печь в сторожке,
Плотогоны сушатся и спят.

Лед прошел, и сын встает на ножки:

В рубашонке ситцевой до пят

Ходит он, людей не различает,

Позовут — ко всем, как голубь, льнет.

— Нехристь ты мой горький, —

Мать вздыхает:

— Скоро ли Мартынушка придет?

А старуха привязалась к внуку,

Любит, не жалеет ничего:

— Лихо, Катя, одолела скука,

День пройдет — и пусто без него.

Испечет пирог, мосол вареный

Привезет:

— Расти-ка молодцом!

А сама тоскует: «Некрещеный!»

И к попу отправилась тайком.

Отстояла раннюю обедню,

Подошла:

— Грех, батюшка. Прости!

— В чем грешна?

— Тишком, понеприметней

Внука мне, голубчик, окрести.

— А чего, раба, таишься?

— Стыдно.

— Стыд отбрось.

— Да засмеет народ.
— Ну неси, неси.
— Представляю скрытно...
— Сколько ж дён мальчишке?
— Третий год.
— Что? Да ты, раба, в уме ли?
— Мы тишком, помру — не расскажу.
— Да очнись, — в какой же я купели
Стервеца такого усажу?
Разве что — в Орлани?
Усмехнулся:
— Не гневи святых, раба. Иди. —
И Христос железный покачнулся
На его серебряной груди.

14

Перевелся, сгинул род Прокудин,
На погосте стало тесно им,
А живали — не видали буден,
Всласть — себе, на зáвидки другим.
Весь в отца, не думал смладу Сашка:
Хорошо ли? плохо ль? — напролом
Лез вперед, и отчая замашка
У него видна была во всем.
И уже видал он, что иные
Настают повсюду времена:
По лесам — цари сидят лесные,
Степь земным подцаркам отдана.
Денег у отца спросил он:
— Нету, —
Срезал тот:

— И так хорош ты гусь.
Погоди, сживешь меня со свету,
И крути, мотай тогда...
«Дождусь, —
Думал Сашка:
— Ладно, уж дождусь я», —
Глядя мимо, зло кривил он рот:
— Вспомнятся и вам, папаша, гуси, —
А глаза синели — словно лед.

И дождался:
Слег тот, занедужил,
Сына звал, да не был он в дому.
— Клад, — хрипел, — хочу открыть ему.
Обругал попов и отдал душу
Озорному богу своему.

Ночь пришла, и в сутемь недовольный
Медленно трезвонил понамарь:
— Все подохнут! и мужик, и царь...
И заупокойный с колокольни
Капал звон по капле в тишь и хмарь.
Спит Орлань, а в церкви мрак таится,
Со свечей горячий тянет дым,
Новый гроб стоит, и две черницы
Чтут псалом Давидов перед ним.

И тоскует Сашка, с новой силой
Роет двор и дом, ослеп от слез:
— Скаред старый, сам ушел в могилу
И мое добро с собой унес!

Говорят, коли у моря горе —
 У любви вдвое, — сколько раз
 На яру в тоске встречала зори
 Катерина, не смыкая глаз.
 Холод пал, ни весточки, ни слова
 От Мартына нету третий год,
 А тоска нашоптывала снова:
 — Позабыл, оставил. Не придет!
 На полнице, в дальнем узелочке
 Пожелтели два его письма.
 Сколько раз тайком кривые строчки,
 По ночам в слезах сходя с ума,
 Разобрать она пыталась:
 — Ве-ди,
 Ер, доб-ро. Ой, лихо! буки, аз, —
 Нет, не складно.
 Сонные медведи
 Под окошком брякали не раз.
 Маялась она, не смея даже
 К писарю пойти:
 — Начнет опять...
 Все ей мнилось: бабы пальцем кажут,
 И глядит, коря, старуха-мать.

Сорок восемь дней, теряя силы,
 На Орлань домой спешил солдат,
 Палым листом тропы заносило,
 По утрам цепи стучали в лад.
 Шел он степью, всем ветрам открытой,
 Озирая жадно край родной,

Постаревший и давно не бритый,
С полотняным ранцем за спиной.
И по ближним выселкам солдатки
Обмирали:

— Мой идет?

— Пора!

Шел он, в поле грелся у костра,
Песни пел, царя ругал украдкой,
Щи свои варил из топора.

Пал второй, замглился третий месяц,
И однажды, выйдя на бугор,
Горький дух орланских перелесиц
Вновь дохнул солдат и весь простор
Солнечный, степной обвел глазами,
Дальний плёс и голые поля,
Хлопнул шапкой оземь, стал и замер:
— Здравствуй, мать родимая земля!

Г л а в а ш е с т а я

16

А в Орлани с лета весь погинул
Хлеб на поле, смертный выпал год,
И, забрав мальчишку, Катерина
Перешла к Прокудиным, — живет.
Мать придет, как мелкий дождь взаплачку
Зарядит ей:

— Лучше б на ножи...

Как же ты теперь при нем... в батрачках?
Или в любовницах, — скажи?

— Так вот и живу.
— Мартын вернется, —
Что ему ответишь?
— Ничего.
— Ох ты, горе, горе, —
Задохнется
И пойдет, не видя никого.
Пашет Катя с батраками в поле,
Мнится ей:
— Мартын придет весной.
Сын растет, и на руках мозоли —
Уж с ильин орех величиной.
Тяжкие легли на сердце гири,
Горечь душу выела до дна,
Самая безрадостная в мире
Ей судьба-судьбинушка дана.
Помнится ей все: бывая воля,
Девичьи запевки, первый взгляд,
Первая с любимым встреча в поле,
Все, что не воротится назад.
Жизнь ее вертела, как хотела,
Мучила неправдой и тоской,
Горем жгла, и Катя разглядела,
До конца узнала мир людской.

Голод всюду,
Жизнь, как вол послушный,
Вдаль бредет, ярмо свое влача,
Кони ржут, соскучившись в конюшне,
Скот в хлевах батрачку ждет, мыча.
Воротилась, по воду сходила,
Покормила птицу, прут взяла,

На коня мальчишку посадила
И к Орлани тропкою пошла.

А Мартын в тот час сходил с парома
На берег:

— Так, значит, — с Сашкой, дед!

— С ним она...

— Ну вот, брат, я и дома.

— Нет ли табачку?

— Беда, брат, — нет.

С беспокойной думой издали
Узнавал он избы в ивняке,
И зашлось вдруг сердце —
Им навстречу
Катерина, щурясь, шла к реке.

Дрогнул он, слова застряли в горле:
Снег в лучах за нею, пар столбом,
И платок, играя, треплет Орлик,
Жеребец Прокудин, а на нем —
Враспояс мальчишка:

— Трогай, мамка,

Что ж ты стала здесь? Орлик, — но!

— Ой... Мартын, —

И заиграли ямки

На щеках обветренных давно:

— Дождалась...

А он стоит, темнея,

И трясутся губы у него:

— Дождалась? Да я теперь жалею,

Что пришел назад. Ну, ничего, —

Повернулся и пошел, на сына,
На нее не глянув, и в слезах
Вслед за ним рванулась Катерина:
— Подожди, Мартын. Послушай... ах! —
И упала:
— Ромушка, голубчик,
Тяжка твой... ой, горюшко мое!
Воротись, Мартын.
И перекупщик
Час спустя без памяти ее
Подобрал в степи, горьмя горела,
Билась баба.
— Видно, дело дрянь, —
На возок взвалил ее несмело
И привез без памяти в Орлянь.

17

Издавна говаривали люди,
Что любовь — кольцо, а у кольца
Нет конца, пьет — горя не избудет
Ни в дому Мартын, ни у слепца —
Шинкаря зареченского: с водкой,
С песнею веселой, — нет нигде
Забытья ему.
— А парень кроткий
Ты, Мартынка, был. Эх, на беде
Песню, что ль, сыграть?
— Сыграй, да складно.
— Спеть тебе «Державную» свою?
Дудки добыл он, присел:
— Ну, ладно, —

И на миг задумался:
— Спою.

— Не ворон
с воронятами
зовет с гнезда
воронушку,
бредет мужик
с ребятами
в чужбинную
сторонушку.

Пустынно
под навесами,
клянет народ
невзгодушку,
скотину
поприрезали,
повыбрали
лебедушку.

Беднеют реки
рыбою,
уж нет ее,
не ловится.
— Как жив, мужик?
— Да скрыпаю.
— Здоров ли?
— Нездоровится!
Дворы раскрыты
дочиста,
как ток —
убиты поженки.

— Работай, друг.
— Не хочется.
— Иди.
— Не ходят ноженьки!

— Молись.
— Весь лоб отбил уж я,
до неба —
высокохонько.
— Царя проси.
— И, милые,
к царю нам —
далекохонько.

В счастливый край,
за морюшко
идет он,
в поле лѣтуя.
— Пошто?
— Там хлеба вволюшку.
— А где тот край?
— Не ведаю.

Об нем по миру
славушка
идет,
повсюду рыская.
Держава ты,
державушка,
державушка
российская!

Не дослушал песню, как мальчишка,
Разрыдался он и двинул стол,
А потом вскочил, схватил ружьишко,
Хлеб в карман засунул и ушел.

18

В ледостав очнулась Катя дома,
Вспоминая встречу, утро то,
И лицо глядело незнакомо,
Многодневной болью испито.
Откипело горе в ней, остыло,
Нету слез, ладони горячи,
И глядит печально и уныло
Темная изба ее в ночь.
Все ее покинули навеки,
Все забыли, молодость идет,
Лег снежок и пал мороз на реки,
Одевая з^абереги в лед.

Нищенка прошла,
Вернулся Ромка,
Свет раздул, с загнетки щ^и достал:
— Мамка, — что ты?
И, присев, негромко
Над остывшей чашкой засвистал.
Разгуделся к ночи бор орланский,
Молодик проглянул в облаках,
И заснул он, не дослушав сказку,
У нее свернувшись на руках.

Сумрак лег, Полкан залаял в сенцах.
— Кто бы это? Человек иль зверь?
И как встала — в кофте, с полотенцем,
Катерина сунулась за дверь:
— Кто тут?
— Я.
— Мартын?
А пес ярится.
— Не ждала?
Очнулась Катя:
— Ой, —
Покачнулась, слабая, как птица,
И к нему на шею:
— Милый мой!
Снял ружье Мартын:
— А ты все та же...
— Ну взгляни ж на сына, наконец,
Что, — похож?
— Похож, похож, и даже
На обоих сразу... сорванец!

Спит Орлань,
Горят над бором звезды,
Мальчик спит с открытой головой,
Снег порхает, и ночная роздымь
По ярам курится над водой.
Досветла они прозоревали,
И едва забылись поутру, —
Как явился день, и побежали
Зайчики морозные в бору.
И такое утро в птичьем звоне
Шло вокруг, так рдели небеса, —

Что проснулся Ромка и, спросонья
Улыбаясь, долго тер глаза:
— Солнышко взошло, —
И на полати
Покатился кубарем, как был:
— Заяц! заяц под окошком, батя!
Бей скорей, —
И спящих разбудил.
Встал Мартын, схватил его за плечи:
— Ну, охотник...
— Батя, — бей, пали!
И смеялась Катя, рада встрече,
И на них глядела издали.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава седьмая

19

Жил Мартын, покуда сил хватало,
Не сдавался, — да пришла пора:
— Видно, впрямь к Кашею под начало
Суждено идти мне, —
И с утра
На Егорья-скотолюба к Сашке
Собрался — худой, как верей:
— Ну пойду, жена, —
И взял фуражку.
— Хочешь, — я схожу?
— Да нет уж, — я.

Перенял хозяйство, вышел в люди,
По отцову нраву взял жену,
И скупает Александр Прокудин
За гроши степную целину.
Правит он, вражду и зависть сея,
Спелся, чорт, с властями заодно,
Восемь тысяч — в банке, и Кашеем
Прозвала Орлань его давно.

Вышел скот на волю, вешний за ночь
Выпал дождь, гоня снежок с низин.
Встретились:

— Здоров, Буян Иваныч.

— Был буян, да весь... здоров, Мартын!

Помолчали, глядя друг на друга,

Закурили, сел Мартын:

— Весна.

— Да, — весна.

— Землица просит плуга.

— Сеешь ли?

— Пришел по семена, —

Затянулся, стих Мартын, на скулы

Пал огонь:

Не даст он, дрянь — дела!

А Прокудин сгорбился сутуло:

— Долг за мной; мешок, чай, зажила

Катерина летом, вот и кстати, —

Улыбнулся искоса:

— Твое, —

Заспешил к амбару, слов не тратя,

И под самым сердцем острее

Вновь Мартын почувал;

А работник
Насыпал мешок, вязал дыру.
Усмехнулся Сашка:
— Ну, охотник,
Много ли зверья набил в бору?
— Не считал.
— А помнишь, на медведя
Как ходили мы с тобой?
— Забыл, —
Вытащил мешок из-под повети
И, качнувшись, на плечи взвалил.

20

Никуда не скрыться от напасти,
Хоть в могилу заживо ложись.
Мрет народ кругом, и даже власти
Помогать орланцам собрались.
Сход за сходом, повалили земцы,
Старшина в хлопотах сбился с ног.
А Прокудин выкинул коленце:
— Кто за ссуду выставит залог?

Время сеять, — а в Орлани — свара,
Тучей кроет небо дотемна,
Мужики не сводят глаз с амбара
И забрать грозятся семена.
Плуги ждут, уж май на перевале,
А властям, видать, и горя нет,
Лист в копейку стал, и грозы пали,
И пригрело солнышко в обед.
И когда терпенье пред бедою
Все иссякло, — встали мужики

И с рассвета шумною ордою
На причал пошли:
— Ломай замки!
— Миром плюнем — море будет, братцы.
Миром дунем — буря...
— Так ли?
— Так.
— Эх, Мартын, пора за ум нам браться!
— Этот может, парень — не дурак.
Навалились на дверные скобы:
— Ну-ка...
— Эх, недолюшка свела.
Заскрипел замок, и из утробы
Дужка, словно нехотя, пошла.
По рукам текло, как жар горело
В кошельях зерно, гребли в платки
И тащили бабы:
— Любо дело, —
Набивали торбы мужики.
Волокли Прокудина:
— Завидки
Разбирают, гляючи? Постой, —
И торчком, шатнувшись, под микитки
Саданул его батрак хромой.
— Так его! Катай злодея!
— Любо!
— За долги, за слезы, за поклон.
И молчком, марая кровью губы,
Вырвался из рук — и к дому он.

Нет Мартына,
 Ночь длинна, не спится
 Катерине, сутемень в избе.
 Пролетела молодость, как птица,
 Ни следа, ни вешки — по себе.
 Спит Орлань,
 За печью, на постели.
 Ромка спит, руками шевеля.
 — Вот и дети вырасти успели, —
 Шепчет в полутьме она:
 — А я?
 Что же — я? Еще лет десять минет,
 Вырастет он, встанет, в мир пойдет,
 Мать с отцом, родимый край покинет,
 Долюшку рабочую найдет, —
 И конец нам. Для чего ж мы жили?
 На судьбу надеялись? Всю жизнь
 Лучшей доли ждали? И к могиле
 Невеселым шагом приплелись.

На заре — Мартын:
 — Чего ты, Катя?
 — Ничего.
 — Вся надвое — Орлань,
 Земцы под себя подмять нас ладят.
 — Ты б не лез, Мартын.
 — Да, дело дрянь, —
 Пристава убили...
 — Где?
 — В Лебяжьем.

Ахнули колом из-за угла,
Как садился в бричку.
— Ой, беда ж им!
— Тройка — на дыбы и понесла.
Дали знать в уезд...
— Ой, что-то будет?
— Мужики уперлись на своем.
— Суд наедет, всех в Сибирь засудят.
— Чорт не выдаст, — все переживем!
Сел он, свет раздул, из-за божницы
Список хлебный вынул — и в огонь,
Лег в постель, тоскует — не ложится:
— Ромка спит?
— Пускай поспит, не тронь.

Спит Орлань, и лишь один с досады
Клял тайком Прокудин мужиков,
Земцев клял.
А поутру солдаты
Усмирять пришли бунтовщиков.

Глава восьмая

22

Прокатился, грянул гром гремучий,
Замерла Орлань:
— Не сдобровать.
Над степями хмарь стоит, как туча,
И боятся голоса подать
Люди в страхе, шастает урядник,
У правленья — шашки наголо,

И слепой обходит христарадник
Стороною страшное село.
Голубец, разбитый при дороге,
Да степная, вся в закате, ширь,
И садится он, поджавши ноги,
И поет — опухнувший и строгий,
Хлеб жует мальчишка-поводырь.
И уже подходит люд бродячий.
Ребятишки в рот ему глядят,
Странники томятся, бабы плачут,
Мужики, понурившись, кряхтят.

И дорогой пыльной издалёка
Катерина тянет на курган,
Босая, голодная, высоко
Подоткнув обитый сарафан.
Не проста, видать, осеклись скулы,
Извелася баба, и глаза
То ль степною сиверкой обдуло,
То ли злая выела слеза.
А слепец поет — и будто в душу
Ей глядит, и чувствует она,
Как кипит и просится наружу
Новой муки лютая волна.

I

— То не дождик, то не осень,
Не Орлань ломает лед,
Мужик плачет, да подносит,
Стражник морщится, да пьёт.
— Господин хороший, стражник,
Пожалей, утешь меня,

В кандалах, в неволе страшной,
Вся в тюрьме — моя родня.
Отпусти ты их на волю,
Дома детушки, семья.
— Одурел, мужик, ты, что ли,
Голова слетит моя!

II

— Раным рано, на рассвете
Гнали партию в Сибирь,
По отцам рыдали дети,
За туманом крылась ширь.

Десять верст бежали жены
За родимыми вослед.
Грозны ружья заряжены,
К мужикам и ходу нет.

— Ой, прощайте, дорогие!
— Прощай, милая моя!
Далеки края глухие,
Забайкальские края.

Двор стоит растворен, пусто в доме,
Воротилась Катя:
— Что ж теперь?
Курица кудахчет на соломе,
И мычит с тоски корова в дверь.
Опустились руки:
— Все немило!
Ромка стих над чашкой молока:

— Батя где?

— Угнали, —

И уныло

Подала калачик из платка.

Не легко Мартыну цепью брякать,

Ненависть таить, не спать ночей,

Но труднее ей в Орлани плакать

Над сиротской долею своей.

Вывернули душу наизнанку,

Не дают проходу богачи,

Гонят ли, клянут ли:

— Каторжанка, —

Стисни зубы крепче и молчи,

И молчи — хоть хлеба нет ни крошки

И ведут корову за долги,

Власть строга и не простит оплошки,

Об отсрочке думать не моги.

Мать — в могиле, а Мартын — в Сибири,

И одна теперь она, одна,

Самая безжалостная в мире

Ей судьба-судьбинушка дана.

23

Высоко стоит Орлань, над степью

Крест плывет церковный в облаках,

И почило божье благолепье

На резных старинных звонниках.

В жолоба да щели грязь набилась,

Выросла березка меж камней,

Кровля села, и остановилось

Время быстрокрылое над ней.
И как та березка по-над крышей,
На ветру, под бурею степной,
Ромка в людях рос и выше, выше
Поднимался — крепкий и прямой.
Жизнь идет, все так же солнце греет,
Колесом бежит за годом год,
Старое, как водится, стареет,
Молодое зелено растет.
Ус пробился, стали плечи в сажень,
Выровнялся парень — прям, как дуб,
Брови словно выведены сажей,
Пал на лоб крылом вороньим чуб.
Тройцын день. Уж девки спозаранку
Хороводы водят у реки.
А Роман пропал, забыл веснянки
И к Попку нанялся в батраки.
Жил Попок ни бедно, ни богато,
За хозяйку в доме дочь была,
И меньшому сам ее засватал
Сыну старшина, уж пол-села
Зазвано на свадьбу, а Евгенья
Даже не глядит на жениха.
Май идет в цветах и птичьем пенье,
Душны дни, — и долго ль до греха?

Степь, как море, в самую макушку
Припекает солнце, тишь и зной,
И спешат грачи, тесня друг дружку,
Вслед за плугом свежей бороздой.
Пашет Ромка, жаворонком свищет,
А Попка завидит — вспыхнет сам:

— Что, хозяин, день вчерашний ищешь?
Иль за мною ходишь по пятам?
Поведет Попок бровями хмуро:
— Ты паши-ка, парень, знай паши, —
Под хомут заглянет и понуро
Прочь пойдет:
— Хлеба нехороши!

24

Цвет опал, полощет полотенца
По лугам туман, и дотемна
У реки снуют переселенцы,
Скот ведут, подвозят семена.
Словно на пожарище — повсюду
Печи почернелые, тряпье,
И не сыщется голубь сизогрудый
Место разоренное свое.
Тронулись суденышки рыбацьи
От земель и берегов родных,
Мужики поникли, бабы плачут —
Кто им скажет: горе иль удача
На чужбине ожидают их?

И на третьем, что, кренясь, летело,
Обгоняя баржи, на узлах
Катерина молча вдаль глядела
И тряпицу комкала в руках.
Уж давно душа ее на волю
Из Орлани вон рвалась, и вот
За судьбою новой по раздолью
На низовья вдаль она плывет.

54

Реки им молочные сулёны,
Берега кисельные — навек,
Может быть, хоть там ее не тронут,
Может, в той земелюшке хваленой
Вольно дышит русский человек?

А Роман остался, трудно было
Расставаться с матерью ему,
Да она нашлась и заспешила,
И вернулась к месту своему.
На узлах рядом уселись бабы,
Унимая слезы, а она
Молча вдаль глядит, где, пеной слабой
Закипая, катится волна,
И спешит, и бьет о берег тесный,
И бегут — белее молока —
Над рекой в пучине поднебесной
Легкие, как лодки, облака.

Глава девятая

25

Палисад — зеленая ограда,
Хутор свой на въезде у села.
Жил Попок ни бедно, ни богато,
За хозяйку в доме дочь была.
Говорили, выбрел наудачу
К счастью он, пошло чужое впрок,
Да и сам частенько не иначе
Про себя раздумывал Попок

С той поры, как вынул — с пуд немало —
Из реки старинный он кошель,
В дом принес подол имперялов
И тайком запрятал под постель.

На яру, в сторонке от дороги,
Место он себе облюбовал,
Насадил садок, вспахал облоги,
Дни не ел, не пил, ночью не спал,
О хозяйстве думал:
«Двор отстрою,
Вся моя земля — передо мной», —
И кружились, и докучным роем
Думы шли впотьмах над головой:
«Князем во князьях в Орлани сяду
Дочку выдам к старшине в семью,
И зайдутся недруги с досады
На судьбу счастливую мою».
Но смешалось все, водой поплыло
И ушло из рук:
Весной в слезах
Прибежала девка и завывала:
— Тятя, не губи меня...
Всердцах
Цыкнул он:
— Ты что?
И обмер хмуро,
Словно перед ямой на краю:
— Господи, прости. Да что ты, дура?
Голову сняла ты мне мою!

Зимний пост, филипповки, все ближе
 Озорной, разгульный мясоед.
 А Евгенья мается бесстыже,
 И давным-давно проходу нет
 По Орлани ей — пришла расплата
 За гульбу, за вольные деньки.
 — Братцы, дочка у Попка горбата, —
 Собираясь, шутят мужики:
 — Спереди горбата.
 — Ненароком...
 — К Рождеству оправится, дай срок.
 И молчком со схода, боком, боком
 Выбирался медленно Попок.
 Глаз не подымаючи со сраму,
 Снег топтал тяжелым сапогом.
 Вез он, вез свой воз, и будто в яму
 Оборвался с кручи.
 К ночи в дом
 Воротился страшен, свел их рядом,
 Черен, задохнулся:
 — Легче б — в гроб!
 И, стараясь не встречаться взглядом,
 Поднял руки кверху, словно поп:
 — Господи, воззри, —
 И снял икону:
 — На колени... чтоб вам! Перебью.
 Ромка стал, крестясь.
 — Ну, парень, в жены
 Дочку я, — запнулся, — отдаю.

Не жалел Попок на свадьбу денег,
Дескать, я и сам:

— Хоть день — да наш!

Гости жмутся:

— А старик крутенок...

— Раз такое дело — все отдашь.

— Нонче свадьба, завтра, глядь, крестины!

— Это правда, как фатой ни прячь.

Шопот свах, жарынь и запах винный,

Крик гостей, божба и пьяный плач.

Блещут златом ризы на иконах,

Петухи поют на рушниках.

Старшина с поповной — в посажённых,

И Прокудин с писарем — в дружках.

Пьет жених не весел, под свечами —

С ним невеста, сбросила платок.

Это им — венцы и величанье,

Здравиц гул и сплетен шопоток.

— Наша Женюшка,

Как шар золотой.

— А ваш Ромушка,

Как колос пустой.

— А невестин дом —

Что дворец.

— Женишков домок —

С огурец.

— В том дворце гостям

Сладок мед.

— Женишков медок
Рот дерет.

— Дай же бог вам жить
Сто годов.
Сыновей подряд —
Как дубов.

В дождь-погодушку,
Двор добра.
— Гору золота,
Серебра!

Туча-тучей, хмур под образами,
Сам Попок над кружкой захмелел,
Жениха, как сыч, стрижет глазами:
— Не такого зятя я хотел.
Старшина икнул:
— Что, мед не сладок?
— Я за девку пред тобой в долгу.
— Ничего, я на дерьмо не падок,
Я и лучше выискать могу, —
И свалился.

Отдышался Ромка,
И едва пригубил, взял пирог,
Как раскрылась дверь, и божедомка
Вся в снегу шагнула на порог.
Старая оборвана овчина,
Лапти прошлогодние — без дна.
И шатнулись гости:
— Катерина?

- Каторжанка?
— Господи, — она!

Повернулся Ромка и, роняя
Пьяную посуду со стола,
Кинулся к дверям:
— Ой, мать? Родная!
Вся зазябла... как же ты дошла?
Сжал ее, как в детстве, по-ребячьи,
Сжал и застыдился:
— Что ж я... тут?
И не видно людям: то ль он плачет,
То ли сами слезыньки текут?

- Женишься, сынок, —
К плечу припала:
— На богачке?
Свахи к ней опять:
— Раздевайся, Катя.
— Где плутала?
— Где плутала — там уж не плутать.
Расстегнулась, села:
— Заколочен
Двор, сыночек, наш, а ты в чужом.
Глянула я: снег до потолочин
Лег в избе и весь шатер — ершом.
Думалось ли так-то? Век по людям
Не проходишь...
— После.
— Ох, сынок,
Эдак мы друг дружку позабудем.
— После, мать!

Давно посбились с ног
Гости во хмелю, устал чубатый,
В шерстяной жилетке, гармонист.
— Тише, вы —
И над гульбой богатой
Ромка встал — невесел и ершист:
— Собирайся, мать.
— Куда?
— Живее.
Или нету дома у меня?
— Ромушка, да что ты, —
И на шею
Вся в слезах Евгенья:
— Как же я?
А Попок шатнул столы и, воя,
Как медведь полез на жениха.
Встал Роман, забрал жену с собою
И ушел — подальше от греха.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава десятая

28

День и ночь гудят меха устало,
Кузнецы куют, а в поле грязь.
Март пришел, и мгла на доли пала,
И Орлань, как море, разлилась.
И, как птицы к дому, издалече
По степным дорогам до зари
Шли в Орлань, взвалив свой скарб на плечи,
Из краев чужих голодари.
На родных полосках выли с горя,
Кланялись Прокудину:
— Спаси!

И стадами птицы из-за моря
Гнезда вить летели на Руси.
Люди сохи ладили, а в поле
Первый дождь несло и первый гром,
Селезень играл на водополье,
И сазан волну кроил пером.
Развернулся Ромка, дом обставил,
Заплатил долги по податной
И впервые к тестю — против правил —
Выбрался на праздниках с женой.
Знало только сердце у Евгеньи,
Как весь год артачился отец,
Как с трудом пошел на примиренье
И простил обиду подконец.
Внука ждал, на радостях Роману
Вывел жеребца:
— Не конь — гроза,
Сердце заколотится, как гляну!
Забирайте, —
И утер глаза.
Вел его в поводьях Ромка, злого,
Нравного как чорта, золотого,
И от счастья пьян, в обмылках весь,
Не дерзал погладить или сесть.
Катерина охнула, встречая
У ворот их:
— Господи ты мой,
Красота-то, Ромушка, какая,
Ведь и впрямь он, идол, — золотой!
И как будто бабу подменили,
С той поры притихнула она.
Жизнь свое брала ли, годы ль плыли,

Или пали, подломились крылья
И пришли другие времена?

29

Не удержишь времечко уздою, —
Вот и в дом свой вновь она вошла.
Годы полой схлынули водою,
Молодость калиной отцвела.
Здесь родилась, выросла, Мартына
Повстречала девкою она.
И вздыхает молча Катерина,
По хозяйству мыкаясь одна.
А уже хлеба в степи косили,
Грозы шли, и сон пропал у жней,
И такие росы в травах были,
Что бери пригоршнями и пей.
Стих Попок, смирилася Евгенья,
Дом окреп, и нет над ними бед,
И нет-нет в горшке по воскресеньям
Повелось мясо на обед.
Ожил ульем дом, а Катерина
То вздохнет от счастья, то всплакнет,
И не наглядеться ей на сына,
Как он спит, как ест он или пьет.
Новая в углу за занавеской
Жизнь, любовь путем своим текла,
И сдружила накрепко с невесткой
Их доука бабья:
— Свет прошла,
Слезною насытилась бедою,
Нажилась я, Женюшка, одна,

Радостью намучилась чужою,
Упилася горем допьяна.
Вздрогнет девка:
— Стыдно мне!
— Чего ты?
— Пред тобою... счастья моего.
Обнялись они:
— Не те уж годы,
Не стыдись, голубка, ничего. —
Утешала девку, как умела,
Как родную дочку тешит мать:
— Одного б я, Женюшка, хотела, —
Чтоб тебе беды моей не знать.

Отошло жнитво, остыли ночи,
Над скирдами — звездные огни.
И, управляясь со страдой рабочей,
Поприбрались к празднику они.

30

А на зорьке в ставень брякнул кто-то
Незнакомой, тяжкою рукой.
Катерина встала с неохотой:
— Кто там?
— Свой, хозяйюшка. Открой.
Отворила двери: возле хаты,
В темноте у самого крыльца
Трясся весь пришелец бородатый,
Беглый, что ль, — не опознать с лица.
— Кто?
— Сибирка я. Мартын уж дома?

— Нет... и не был.
— Вместе мы ушли,
Не пугайся, —
И, шурша соломой,
Застонал он:
— Ноги отекли.
Вместе мы ушли, да заблудились
С ним в тайге, —
Дрожал он — бос и гол,
И в ладони дул, согреться слясь.
— А не врешь ты? Может, уж пришел?

День передневал он, подкормился:
— Ведь не ждут меня в Лебяжьем, мать.
И Роману чем-то полюбился:
Чем? — и сам не может он сказать.
Да и Катерина пригляделась
К черному, как ночь, его лицу:
Бородат и худ он был, и вьелась
Синь пороховая по рубцу.

— Нет ли, мать, косы? И вправду страшен
Стал я там, не примет баба в дом, —
Брился он, поглядывал кругом:
— Царскою наградой изукрашен:
Ну да что ж, — спасибо и на том!

Вынесла одежду Катерина,
А сама, как видно, — не своя,
На дорогу смотрит, ждет Мартына,
Слезы, слезы льются в три ручья.
Встал Роман:

— Идешь?

— С Кашеем вашим

Посчитаюсь я, и в путь, дружок.

А за что?

— За пристава в Лебяжем

Он меня на каторгу упек!

Свист и ржанье, говор неумный,

Праздничное торжище вокруг.

Ночи дождался Сибирка темной

И ушел, как в воду канул вдруг.

А на самой зорьке, на рассвете,

Вспыхнул дом Прокудин, как свеча,

Затрещал огонь, ударил ветер,

И село завывало сгоряча.

Бил набат, и верст за десять — полем

Гнал в Орлань Прокудин жеребца:

— Уж не мой ли дом, —

И вещей боли

Все не мог осилить до конца.

Страшен, он ходил по пепелищу:

— Каменный поставлю... от огня.

Дым слезил глаза, мела золища:

— Кто ж пошел войною на меня?

Почернел Прокудин, — так, бывает,
 Дуб чернеет осенью в бору, —
 Скушен стал, осунулся, вздыхает
 И дела забросил — не к добру.
 Осенью отвез он в город сына,
 Барский дом в Лебязьем за собой
 На торгах оставил и в старшины,
 Всех свалив, сам выбился весной.
 Видел он, как руки греют земцы,
 Как пример им свыше власть дает.
 — Казнокрады, —
 Злел он:
 — Волки, немцы, —
 И ерошил бороду вразмет.
 Он не зря к земле тянулся, к водам,
 Хлеб скупал, гонял в низовья лес,
 И к чужой доуке да невзгодам
 Никогда без выгоды не лез.

А в степи жара стоит, бездожде,
 Обмелели реченьки до дна.
 Пыль, тоска, и огненною дрожью
 Вся, как пекло, даль накалена.
 Дымны зори, люди ходят в страхе:
 — Ой, беда!
 — Опять мы — без куска...
 Молит поп о ниспослании влаги,
 И пытаются бабы у Попка:

— Ну?. Гудёт?
Но тот — худой и рыжий —
Машет им:
— Да ну вас, — не гудёт.
И смеются девки:
— Он по грыже
Завсегда погоду узнает.
Ни заснуть от зноя, ни проснуться,
Звери рыщут, кружит воронье,
Хмарь кругом, и солнышко, как блюдце,
Тускло с неба светит сквозь нее.
А под вечер с манифестом в волость
Прискакал на тройке становой:
— Мы, всяя Руси...
И бабы в голос:
— Ой, война, —
И в каждой хате вой.
Сход собрался, брат глядел на брата:
— Кто пойдёт?
И каждый думал:
«Я?»
Поп крестом водил:
— На супостата,
И живот свой за други своя.
— За цар-ря, за батюшку... на немца, —
Унтер пьяный плел, топчась в пыли.
— Р-ра...
— Ур-ра!
И два дородных земца
Речь держать к крыльцу его вели.

Огрубела сердцем Катерина
 Пред последней чашей горевой,
 Собрала с утра в дорогу сына
 И в избе оставила с женой.
 Попрощался, стал, тоскуя, Ромка,
 На Орлань, прищурясь, глянул зло,
 Оттолкнул паром, связал котомку:
 — Жди, вернусь, —
 И взялся за весло.
 Затряслась баба:
 — Ох, сыночек, —
 Пошатнулась:
 — Тошно... тошно мне.
 А очнулась:
 И уж встать невмочь ей,
 И паром — на правой стороне.
 Не прошло недели — из правленья
 Им повестка, следом — ремонтёр,
 На крыльцо взошел, шатнулся в сени
 И, зевнув, ладонью рот обтер.
 По двору ходил, глядел хозяйство,
 Катерина сдуру сбилась с ног,
 Волокла снопы:
 — Не замарайся,
 По сололке проходи, сынок.
 Взял коня:
 — В две радужных оценим.
 Затряслась Евгенийя:
 — Ой, раззор!
 — А не то другим его заменим, —

И кивнул Прокудину:

— В набор.

И пошел он — только и видали —

На Стоход, в казачий, что ли, полк.

Запил в дым и все его медали

Утопил с тоски в реке Попок.

А уже на Висле и на Сане

Бой гремел, глухой катился гром.

Кровь лилась, и смерть брела в тумане

По лесам и долам и дождем

Поливала все: поля, могилы,

И окопы, и солдат, и тьму.

Судный день пришел, земля взбесилась,

И спасенья нету никому.

Шла Орлянь, село на ней стояло,

Люди жили, шли, катились дни.

И одна, как звездочка, мерцала

Думка бабья:

— Живы ль там они?

Осенью, в распутицу, из штаба

Весть пришла:

— Тот ранен, тот убит.

Смолкло все, и пали наземь бабы.

Причитанья, крики, вой навзрыд.

— Ну, а мой, —

Запнулась Катерина:

— Слышно ль что?

И, хмурясь, писарь встал,

Развернул, вздыхая, список длинный:

— Сын твой, баба... без вести пропал;
За рекою Млавой, в царстве Польском...
Помертвела бедная с тоски:
— Без вести?.. пропал?

33

И за Раздольском,
День спустя, дорогой мужики
Встретили ее:
— Пошла по свету.
— Побрела!
— За глупой головой
И ногам покою, братцы, нету.
— Нищему дорога не впервой!

Осень шла, распутица стояла,
Ой, грязны дороги, дождь студен.
Не вернулась баба и пропала,
И спустя неделю — в эшелон
Подобрал солдат ее:
— За печку
Полезай, мамаша. А далек
Двор-то твой?
— Сыночек, недалечко.
— Довезем, не сымут.
— Дай вам бог.

Двое суток, третьи хороводит
За дверьми земля, бегут пути,
А она притихла и не сходит.
— Спишь, мамаша?

— Сплю.
— Не прокати
Станцию свою, — поди, уж близко?
— Близко, близко, милые мои.
Ночь, и то высоко вдруг, то низко
Вьются искр летучие рои.
Пьют чай, тоскуют с непривычки
Новобранцы, мчится эшелон.
А один подполз и чиркнул спичкой:
— Ты, мамаша, часом не шпиён?

Глава двенадцатая

34

На зазим на самый, в воскресенье
Брякнуло на зорьке вдруг окно,
И со сна шатнулася Евгенья:
— Ой, Роман, —
А на дворе темно.
Насносях, таскаясь через силу,
Срок она ждала тяжелый свой.
Выскочила, двери отворила,
И навстречу:
— Ромушка... родной!
Сном и хлебом, бабьею истомой
Вдруг подуло из-под ветхих слег.
И совсем чужой и незнакомый
Сжал ее за плечи человек.
Петухи орали, из тумана
Заряница-зорька шла с высот.

Был похож он чем-то на Романа:
Тот же говор, смех и погляд тот.
Повернулся он и вытер губы
Рукавом:

— Ты чья ж такая здесь? —
И сверкнул улыбкой белозубой.

— Тятенька? Мартын?

— Я сам и есть.

— Ой, а я-то... —

Застыдилась снова,

От порога кинулась назад:

— Ромка — на войне, а я Попкова, —

И тряпье хватала невпопад.

— А Катюша?

Словно издалёка

Он глядел и все не мог понять,

Что несла невестка, как сорока,

И ее выпрашивал опять.

Жил он торопливо:

— Об Николе

Вот дождуся внука — и уйду.

— А куда?

— Искать судьбы да воли,

Пряников пшеничных на меду!

Двор стоял невесело, по-бабьи

Было в нем уныло и темно,

Решетом накрыт, и били хляби

В заткнутое тряпкою окно.

Закусивши ус, чинил он крышу,

Веял хлеб, копался во дворе.

Тусклыплыли дни, и в поле слышен
Крик гусиных стойбищ на заре.

А Прокудин в город к становому
Подгонял дорогой жеребца,
И летела смаху на солому
Мерзлая осенняя грязца:
— Может, и не он, — да все едино,
Пусть ужo попомнит обо всем!
И заходят тучи над Мартыном,
Яростный вот-вот ударит гром.

Ночь пришла, Евгенья стонет:
— Тятя,
Муки подошли мои... помру, —
Мечется от боли на кровати,
Рушники жует, ползет к ведру.
— Я сейчас, сейчас... бегу за бабкой.
— Тятенька, ох, — смерть моя теперь!
И, схватив впотьмах пиджак да шапку,
Кинулся Мартын скорей за дверь.
Через час бегом по-за дворами
Воротился он, а у рябин —
Понятые, стражники верхами,
И соседка:
— Уходи, Мартын!

Ночь и день,
Как зверь, в бору он крылся,
Мерз, пережидаячи беду,
А потом надумал и решился:
— Погляжу, прощусь, да и пойду.

Обошел задами, тихо всюду,
Перелез у бани через тын:
— Погляжу, а может — и побуду?
Вот и дедом стал ты вдруг, Мартын!
Дверь открыл — и замер у порога:
Детский крик и говор в полумгле,
И под образами, хмурясь строго,
Вся в свечах — Евгенья на столе.

Душно в хате, воск трещит и тает,
Сник Попок без слез, и нет людей,
И монашка нищая читает
Песни погребальные над ней.
Встретились они, годами жили
И не знали никогда, а тут
Оживились вдруг, заговорили,
А уж в сенцы стражники идут.
Дверь подпер Мартын, да биться нечем,
И отдался в руки им живой:
Окружил, скрутил его конвой,
И пошел он гибели навстречу
В дальний край дорогой столбовой.

35

Стороною, по разбитым селам,
По полям пустым в краю чужом,
Спотыкаясь, шагом невеселым
Катерина шла, текли гужом
Люди, пушки, шаткие кибитки,
Длинные обозы без конца,
Беженцы-поляки на пожитках,

Раненые с фронта.

Снег, грязца!

Далеко-далече край орланский,

В темь войска идут — за рядом ряд:

— Где ж он, братцы, полк ингерманландский?

— Где?

— Сам чорт не знает, — говорят.

Дни она бредет, томится ночи,

Изболелось сердце в маяте:

— Где же ты, родимый? Где, сыночек?

Фронт велик, и нет его нигде.

На реках на всех его искала,

В тьме ночной, в крови ловила след,

У сырой земли об нем пытала —

Нет нигде, и даже слуху нет.

Солнце в тучах светит, дождик пляшет,

И куда ни глянешь — меж людьми

Чемоданы¹, воя, землю пашут,

Засевают мертвыми костями.

Дым стоит высокими столбами,

Бой то стихнет, то пойдет опять,

Раненые черными губами

Припадают к фляжкам:

— Где ты, мать?

И, шатаясь, с хлебом в узелочке

Тащится она, — то здесь, то там,

Страшная седая:

— Тут, сыночки, —

И смежает веки мертвецам.

¹ Чемоданы — тяжелые снаряды. (Солд.)

Раннею зимою на Стоходе
Забереги первые легли.
И однажды ночью на болоте
Услыхала шум она вдали.
Звездные огни мерцали, пала
Темь ночная, землю осеня.
Подошла — и вдруг она узнала
Золотого сокола-коня.
Перебиты ноги, разворочен,
Словно яма, бок, в кишках седло,
И на снег, чернея вдоль обочин,
Море крови дымной натекло.
Вскинулся, заржал он, а не может
На ноги подняться, роет снег,
Землю под собой сырую гложет,
Слезы человечьи — из-под век.
— Ромушка... сынок!
Перед глазами
Все смешалось, кинулась впотьмах
Катерина наземь со слезами.
И застыла.

Поутру в кустах
Подняли ее, — с улыбкой детской
Над баварцем мертвым, сбившись с ног,
Мыкалась она:
— Вставай, сынок.
Пушки бью-ут, —
И каскою немецкой
Кровянистый черпала снежок.

Стынь в степи, мороз трещит суровый,
 Отошла мятель, встает Орлань.
 По сугробам свет летит багровый,
 И глядится солнце в иордань.

Бабы тянут:

— Дождались Крещенья.

Далеко звонят колокола,
 И плывет их медное гуденье
 На ветру морозном из села.

Дьякон взвыл, и, отряхая пыльный
 Прах с икон, поднялся крестный ход.
 Певчие, хоругви, дым кадильный,
 И без шапок, тучей — весь народ.

А по льду, у самой иордани,
 Не крестясь, в дырявом армяке
 Катерина молча шла к Орлани
 В стоптанных опорках и платке.
 Никого вокруг не узнавая,
 Поднялася к дому, и народ
 Ей глядел вослед:

— Беда лихая!

— Не в своем уме она бредет.

День идет, другой, заглянут бабы:
 Все сидит на лавке, все в окно
 Катерина дует, и ухабы
 Намело на улицах давно.
 Печь гудит не топлена, до крошки
 Все в избе приедено подряд,

Стынь стоит, и нечем даже кошки
Из-под печи выгнать; поглядят,
Повздыхают бабы:
— Что-то будет?
Катерина шепчет:
— Пушки... бьют!
— Все, видать, Романа не забудет.
— Боже наш, —
И прочь они пойдут.
Снег летит, и что поет судьбина
В полутьме морозной — не поймешь,
И глядит в оконце Катерина,
И, трясясь, твердит одно и то ж:
— Холодно, сыночки. Пули, пули...
Вот они, — летят!
Уж ночь давно,
Завируха дунула, уснули
Все в селе, и темь глядит в окно.

А на завтра писарь с понятыми
По сугробам рыскал тяжело,
И следило исподволь за ними
С ненавистью лютою село.
На краю свернули к Катерине,
Увязая по пояс в снегу.
Лес кругом, бьет зяблик на осине,
Намело сугробы — по слегу.
Двери настезь, сенцы в беспорядке.
Глянули в окно — пуста изба:
— Тут, как видно, взятки наши гладки?
— Двор опишем.
— Что в нем... голытьба!

В дверь ввалились, ржавую иконку
На ходу Прокудин пнул со зла,
Оглядели дом:
— В каку сторонку
Вновь твоя хозяйюшка пошла?
По углам, по стенам глазом волчьим
Рыскал писарь:
— Поздно я приспел, —
Чиркнул спичкой, глянул в печь:
И молча
Отшатнулся прочь, и побелел.
Там на четвереньках, головою
Приваляся к стенке, в полумгле,
Рот раскрыв с улыбкой неживою,
Катерина стыла — вся в золе.

1936—1937

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников изд-во просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнездиновский пер., д. 10, изд-во „Советский писатель“.

Редактор К. Симонян

★

Тираж 3000

Подписано к печати 17 января 1941 г.

А33610

Печатных листов $2\frac{5}{8}$

Авторских листов 4,28

Количество знаков в печатном листе 46080

Цена в обложке 3 р.

Зак. № 269

★

Полиграфический комбинат им. В. М. Молотова. Москва, Ярославское шоссе, 99.

W8

50

W. 57 r.

OTK
54

3 p.

u

17

✓

✓